

«Снеговичок», прекрасно понимая, что накосячил и всё испортил, молча косился на Чи Е. С такой трогательно-обиженной миной, будто виноват был кто-то другой.

— Ты чего тут устроил? — Чи Е едва сдерживал смех, поэтому сотворил максимально суровую физиономию. — В куличики вздумал поиграть?

На кухне царил полный хаос. Чи Е засучил рукава, обнажив крепкие смуглые предплечья, и ткнул пальцем в сторону двери:

— Иди отмывайся.

Тун Хуайцин чувствовал себя виноватым и, разглядывая липкие комья теста на ладонях, огрызаться не стал.

— Иди-иди, сам всё уберу.

Раз Чи Е сказал «уберу», значит, разгребать последствия действительно взялся сам. Перво-наперво подмёл, потом прошёлся шваброй, а когда к плите стало можно подобраться, нагнулся к разделочной доске. На самом деле Хуайцин продукты особо не изгадил: парень, судя по всему, трусил и не рискнул сразу бухать муку горстями, а аккуратно черпал мерной ложкой для риса, подливал по капле воды и робко пытался это перемешать.

Чи Е открутил кран, с шумом смывая месиво с доски. Капли воды брызнули ему на густые брови и застряли в коротких пушистых ресницах. От этого его и без того тёмный взгляд казался ещё более мрачным и разбойничьим. Настоящий головорез — взглянет так, будто у него за плечами парочка неуспокоенных душ. В общем, мужик явно не из робкого десятка.

— Тебя никто не ругает, чего замер? — Он наотмашь брызнул в сторону Хуайцина водой. — Пальчики свои нежные натёр, что ли?

Тот только что отмыл руки и теперь молча подпирал косяк, с кротким видом подавая тряпки и всё, что просили.

Чи Е работал споро: в считанные минуты вытер кухонный гарнитур до блеска и задумчиво прикинул, что девчонке надо бы сварить лапши. Вообще-то местный обычай на день рождения предписывал не лапшу есть, а катать яйцо. Утром, будя Ноно, он взял подкрашенное красным яйцо и несколько раз покатал им по сонному, совершенно всклокоченному ребёнку.

Где в этот момент был Тун Хуайцин?

А, точно. Он ещё из постели не вылезал.

— Посиди во дворе, — отправил его Чи Е, — или прогуляйся до скверика.

Если пройти по улице на запад вдоль рядов павловний, упрёшься в сквер. Городские власти обустроили там площадку ещё в прошлом году: с утра до самого вечера дедки пилили на эрху и крутили волчки, старушки выводили традиционные арии и отжигали в массовых танцах, а детвора прыгала через резиночки. Шуму и веселья хватало с избытком.

На самом деле Чи Е не пытался от него избавиться — просто не любил, когда кто-то путался под ногами во время готовки.

Тун Хуайцин не ответил ни «да», ни «нет». Лишь спрятал руки за спину и остался подле.

Чи Е размешал муку палочками, вымесил ровный шар и накрыл его влажной салфеткой, чтобы тесто расстоялось. Оглянулся, вздохнул и бросил:

— Ладно уж. Иди нарежай овощи.

— А можно что-нибудь другое? — тихим голосом спросил Хуайцин.

— Яйца разбить сумеешь? — Чи Е принялся мыть картошку. — Пожарим с томатами.

На этот раз шаги Тун Хуайцина стали заметно веселее. Прижав к себе миску, он с весьма деловитым видом кокнул о край два яйца. Повернувшись к Чи Е спиной, он спустя секунду вооружился длинными палочками и осторожно, тишком выудил из желтка кусочек скорлупы.

Чи Е счищал кожуру с картофеля и поворачиваться не стал, спасая чужое достоинство. Впрочем, какая ещё работа на кухне могла показаться этому неженке лёгкой? Да он бы и от чистки чеснока переутомился. Нарезав картошку и залив её водой, Чи Е обернулся и обнаружил, что парень всё ещё с усердием молотит палочками по миске.

— Посоли немного.

Тун Хуайцин снял крышку со спецовницы и занёс ложечку над яйцами.

— Эй, полегче, — Чи Е вовремя перехватил его руку. — Совсем чуть-чуть, для вкуса.

Яичная смесь от долгого взбивания успела подпениться и посветлеть. Томаты, обданные кипятком после крестообразного надреза, легко лишились кожицы и теперь алой маской покоились в чаше. Тун Хуайцин, судя по всему, наконец прочувствовал свою причастность к процессу и даже сам подошёл ближе, с живописным любопытством наблюдая, как Чи Е раскатывает тесто. Будто на фокусника смотрел.

Щедро припылив доску мукой, Чи Е взялся за скалку. В пару движений он раскатал гладкий колобок в тонкий пласт, а затем с лёгкостью подбросил на ладони кухонный топорик и принялся резать лапшу — ловко, ровно, ни на миллиметр не сбиваясь.

Выглядело это донельзя комично. Здоровенный мужик, без всякого фартука, но каким-то чудом не посадивший на одежду ни единого пятнышка. А когда дело дошло до рубки фарша, он и вовсе засунул одну руку в карман брюк и тихонько замурлыкал себе под нос какую-то мелодию.

Сразу видно: чтобы так распоряжаться у плиты, нужно набить руку за долгие годы. Ну чисто хозяйственная душа. Вот только с его свирепой рожей это вязывалось с трудом, и у Тун Хуайцина впервые проснулся искренний интерес.

— По тебе и не скажешь, что ты умеешь готовить.

Будь у Чи Е сейчас во рту сигарета, он обязательно выдохнул бы дым прямо в эту красивую физиономию. Мать твою, да этот паршивец съел у него гору еды, и у него ещё хватает совести выкаблучиваться!

— А то, — Чи Е плашмя сгрёб фарш к центру доски и продолжил ритмично стучать лезвием, — на кого я, по-твоему, похож? На вышивальщицу с иголкой?

«А ведь и правда, — подумал Хуайцин, — я же сам видел, как он латал мешок с песком».

— Ну, допустим, готовить ты умеешь, — мельком глянув на небольшой шрам у него на предплечье, с подначкой произнёс Хуайцин. — И медали при тебе.

Шрам явно остался от брызнувшего раскалённого масла.

Чи Е промолчал. Закончив с фаршем, он щедро засыпал специи и начал вымешивать массу в одну сторону, добиваясь вязкости. Судя по всему, кулинарного вина он бухнул лишнего, поэтому палочки издавали сочное чавканье.

В кухне внезапно повисла тишина.

Вентилятора на кухне не было — иначе весь кухонный угар разнесло бы по дому. Поначалу, пока кипела работа, это не мешало, но к полудню духота взяла своё. Ладони Тун Хуайцина слегка взмокли, и он опять завёл их за спину, бессознательно потирая большой палец о палец. Он слишком давно не занимался физическим трудом, и кисти непривычно заломило.

Чи Е, слегка ссутулясь, фаршировал стручки зелёного перца. Чёрная майка обтягивала спину, джинсы плотно сидели на крепких бёдрах. Короткий ёжик волос выглядел жёстким, а литые мускулы на руках натягивали кожу при каждом движении.

Тун Хуайцин отвёл взгляд.

Чувства к Чи Е до сих пор оставались спутанными. С одной стороны, этот тип явно был не той ориентации, да ещё и успел с ним сцепиться, так что подсознательно хотелось держаться подальше. С другой — Чи Е варил ему снадобья, кормил досыта и без лишних вопросов пустил под свою крышу, проявляя удивительную, почти простодушную заботу.

Если посчитать, Хуайцин, махнув на всё рукой, прожил здесь уже без малого две недели.

Даже «осенний тигр» — знойные дни ранней осени — уже катился к закату.

Наступил полдень. Чи Ино влетела во двор вихрем и, даже не успев сбросить ранец, устремилась на запахи, доносившиеся из кухни. Забыв про свой праздничный торт, девчушка вцепилась в дверной косяк, прикусила палец и принялась с азартом оглядывать кастрюли.

— Всё, как ты любишь, — Чи Е, утерев пот со лба, мотнул головой. — Марш мыть руки.

Девчонке во второй половине дня нужно было в школу — летнее расписание ещё действовало, и звонок на урок зазывал только к трём часам. Набить брюхо, а потом полчаса сладко подремать — времени было с запасом. Ноно перевела взгляд с брата на Тун Хуайцина и хихикнула.

— Чему лыбишься? — спросил Чи Е.

— Просто мне весело!

Девчонка так и не призналась, что за муха её укусила, но довольная была — хоть косички к небу задирай. Чэнь Сяньян неторопливо вошёл вслед за ней и потащил сестрёнку за руку к умывальнику.

На столе дымились простые домашние яства.

Яйца, пережаренные с томатами, манили яркими красками: густая, бархатистая сочная мякоть помидоров обволакивала пышные золотистые хлопья. Фаршированные перцы были приправлены сахаром и молотым перцем, а сверху щедро политы аппетитной глянцевой подливкой. Рядом красовались хрустящий картофель в уксусе, баклажаны с чесноком, а куриные крылышки в кока-коле Чи Е ровно выложил на блюдо, украсив макушку цветком из моркови. Выглядело всё невероятно аппетитно.

Тун Хуайцин, помогавший подавать посуду, наблюдал за ним со стороны. Чи Е, склонив голову, что-то мурлыкал под нос; в левой руке он держал брусок моркови, а правой ловко орудовал ножичком. Срезая лепесток за лепестком, он вскоре явил миру самую настоящую морковную пионовую розетку.

— Красиво?

Хуайцин кивнул:

— Красиво.

Ноно уплетала за обе щёки, даже головы не поднимая. Чэнь Сяньян вытирал сестрёнке рот салфеткой и с улыбкой щупал её круглый животик через майку:

— Тебе ещё торт есть.

«Торт — это потом! Сначала с этим разберёмся!» — читалось на её довольной мордашке.

Даже Тун Хуайцин съел больше обычного. В прошлом он всегда предпочитал лёгкую, едва приправленную пищу и терпеть не мог густые подливы, но, глядя, с каким звериным аппетитом за обе щёки уплетает маленькая Ино, сам проникся этой радостью. Внутри разлилось приятное тепло.

По местным обычаям день рождения отмечали не вечером, а в обед. Чи Е развязал ленту на коробке:

— Покушай чисто для порядка маленькую дольку, а то объешься.

— Угу! — Ноно только что умяла миску «лапши долголетия» и теперь сидела слегка оглушённая от сытости. — Я разнесу соседям, как раз всё и раздадим.

Торт в восемь дюймов был самым обыкновенным. На белом креме красным джемом было выведено «С днём рождения» — скромно, но мило. Когда свечи потушили, виновница торжества, зажав обеими руками пластиковый ножик, с предельно серьёзным видом принялась за нарезку.

Силу рассчитать не удалось — отмахнула слишком щедрый кусок, так что на блюде он валился набок, демонстрируя пышный бисквит и обилие консервированных персиков.

— С днём рождения! — захлопал в ладоши Чэнь Сяньян. — Ой... Мы же забыли спеть песню и загадать желание!

Чи Ино размахисто махнула рукой и издала сытый икающий звук:

— Я уже про себя всё загадала!

Чи Е сжал её масляную щёчку, отчего губы девчонки вытянулись уточкой, и мазнул пальцем по её носу кремом.

— Ну бра-ат, ты вредный!

Ноно в долгу не осталась и тоже ляпнула брату крема на щёку — правда, пожадничала, достался лишь кончик пальца.

— Брат Тунтун! — Девчушка протянула ему тарелочку. — Тебе самый большой!

Кусок и впрямь был огромным, всем на загляденье.

Дети всегда первыми делом слизывают крем, а на доле Тун Хуайцина его лежал целый сугроб. Он улыбнулся:

— Спасибо. С днём рождения тебя.

Нарезка торта захватила девчонку с головой. Быстро распределив порции, она подхватила Чэнь Сяньяна за руку, и они побежали разносить угощение соседям. В городке чтили тихий час — затяни они немного, и все улягутся спать.

Стол уже был убран. Чи Е вытер руки и вылез из кухни:

— Не лезет — не насилуй себя, оставь.

— Всё нормально, — Тун Хуайцин отщипнул кусочек. — Очень вкусно. Сладко.

Потолочный вентилятор мерно поскрипывал у них над головами. На стене размеренно тикали часы. С улицы донёлся лёгкий ветерок; входная дверь оставалась отворенной, и воздушный поток качал под карнизом ветряную музыку, рождая нежные, хрустальные переливы.

В душе Тун Хуайцина поползла тихая, едва уловимая грусть.

Он находился не в ослепительном концертном зале, его не слепили вспышки репортёрских камер, на столе не стояли хрустальные розетки с чёрной икрой и трюфелями. Бисквит был слегка суховат, крем — приторным, а фрукты — самыми обыкновенными консервантами из банки. Но Хуайцин всё равно не торопясь доел свой кусок.

Чтобы разделить простую радость маленькой девочки.

Это была не зависть — лишь лёгкая, неосознанная тоска.

Вот, оказывается, какими вырастают дети, купающиеся в любви.

Чи Е вынес блюдо с вымытым виноградом — ягоды блестели каплями воды. Не обращая внимания на кислинку, он снова прикусил губами сухую веточку.

— Спасибо, — тихо вымолвил Хуайцин.

"Меня никто и никогда не полюбит", — подумал он, повертел в пальцах виноградину и опустил её обратно на стол.

После обеда накатывает томная лень, когда хочется развалиться на диване и не шевелиться. Но Тун Хуайцин продолжал сидеть подчёркнуто ровно, сложив чистые ладони на коленях.

Чи Е отвёл взгляд и случайно перекусил скрежетавшую на зубах веточку. Смех да и только. Этот Тун Хуайцин — жутко противоречивый тип. Капризный, будто молодая жёнка его кореша, но когда не устраивает сцен — вполне себе паинька. Видно, рос в палатах да на перинах, раз такой избалованный. Небосвод явно грешит фаворитизмом: под одним солнцем ходят, а Чи Е выгорел до цвета корицы, тогда как этот парень остаётся белым да румяным. Словно вся вселенная его лелеет, золотя пылинками длинные опущенные ресницы.

Дети что-то задерживались. Чи Е провёл ладонью по лицу и поднялся было пойти их поискать, но тут со двора донеслись шаги.

— Брат! — крикнул Чэнь Сяньян. — К нам дедушка Янь пришёл!

Дедушка Янь жил в доме по соседству. На пенсии он обрелся давно, супруга его преставилась три года назад, да и глаза стали сдавать, оттого старик редкий раз покидал свои ворота. Соседи о нём заботились: кто занесёт бутылку масла, кто угостит яблоками. Дети пытались забрать его к себе в город, но дед упёрся намертво — мол, привык к родному гнезду и с места не сдвинется.

— Сяо Чи! — дедушка Янь опирался на плечо Чэнь Сяньяна. — Внучка торт принесла... Надо же, уже девять исполнилось. Годы-то летят.

Старик видел лишь туманные силуэты, но всё равно проявлял характер и принципиально обходился без трости.

— Я тут вам домашней жёлтой согрел, попробуйте.

Ноно, тащившая сзади пластиковую канистру, высунула язык:

— Она ужас какая тяжёлая!

— Сказал бы — сам бы забрал, — Чи Е подхватил ёмкость. — Хороший видать напиток.

Ещё бы! Зять привёз пару дней назад. Старик радовался как ребёнок, махнул сам пару пиал, а потом решил поделиться радостью с соседями. Домашнее вино, выгнанное в деревне, налили в белую пластиковую канистру с красной крышкой. Чи Е поставил посуду и полез осматривать рукав старика.

Дедушка Янь настороженно попятился, но уйти от хватки не успел. Сухое запястье, покрытое старческими гречками-пятнами, было абсолютно голым.

Чи Е насупился и разжал пальцы.

Дедушка Янь мысленно ойкнул: «Охо-хо, вляпался». Забыл!

Весной дед грохнулся у себя в комнате, и Чи Е на собственном загровке тащил его в уездную больницу. Старик стал совсем слаб, к новым кнопочным мобилам адаптироваться не желал — сыновья покупали ему две штуки, да он всё вернул: клавиши мелкие, как рисовые зёрна, фиг разберёшь.

Тогда Чи Е раздобыл свисток и хотел повесить ему на шею — мол, если поскользнёшься в бане, свисни, снаружи услышат. Где он только его отрыл? Свистел так, что у старика чуть перепонки не лопнули.

Дедушка Янь тогда взбунтовался: не буду, мол, с собачьим поводком на шее ходить. Соседский мальчишка, возвращавшийся из школы, как раз пробежал мимо, остановился, похвастался ключом на верёвочке и с гордым видом ускакал.

Чи Е тогда решил: ладно, привяжем к руке. Шнурок натирает, так он сладил кожаный ремешок, точно для часов, и закрепил свисток прямо на запястье.

И вот сейчас ремешка не было.

Дед замылся. Он привык к свободе, целыми днями просиживал в майке-алкоголичке на солнышке, и всякие цацки его раздражали. Свисток он давно втихаря снял, завернул в тряпицу и засунул под подушку. Ну надо же было так оплошать! В прошлый раз Чи Е не лез проверять рукава.

Мастером Чи Е был на все руки — если что ломалось, бежали к нему. С виду лютый, но со своими всегда добр. Впрочем, крутой нрав никуда не делся.

— Да я утром мылся! — дед включил дурачка и заискивающе улыбнулся. — Вот и снял! Хе-хе... А знаешь, привык уже, без него даже как-то непривычно!

Слепнув, свет он ещё различал, оттого хлопал глазами примерно в сторону верзилы:

— Ой, да! Жёлтое винцо непременно испробуй! Душистое, и убойное — будь здоров!

Чи Е качнул головой из стороны в сторону, и шея его отчётливо хрустнула. Дедушка Янь, как ушлый старик, съевший не один пуд соли, тут же сменил тему:

— Кстати, Сяо Чи, Ноно-то уже какая невеста вымахала. А ты сам-то когда женишься?

Едва слетели эти слова, Чэнь Сяньян и Ноно, точно два подсолнуха к солнцу, синхронно повернули головы.

— Давай-ка я тебе погадаю, — старика усадили на табурет, и он с важным видом потёр ладони, как вдруг выдал: — Ого! Эк тебя... Звезда любовная возшла!

А ведь старый действительно немного смыслил в гадании. Был ли это трёп или прозрение, Чэнь Сяньян тут же приволок скамеечку, уселся подле деда, положил подбородок ему на колено и восторженно снизу вверх спросил:

— Дедушка, правда? У брата кто-то появился?

Чи Е отмахнулся от них и пошёл в дом набирать дочку старика. Разматывая шнур стационарного телефона, он занёс палец над диском, но девчонка повисла у него на локте.

— Брат, ну пойдём послушаем! — зашептала она ему прямо в ухо. — Дедушка Янь правду говорит, он на Новый год снегопад предсказал!

— Прогноз погоды тоже предсказал, — проворчал Чи Е.

Уши у него были чувствительными, и от горячего девичьего шёпота Чи Е втянул голову в плечи. Он щёлкнул пальцем по её пионерскому галстуку:

— Кончай разводить суеверия.

— Честно-честно! — Ноно обернулась к сидевшему неподалёку Тун Хуайцину. — Брат Тунтун, а ты чего молчишь?

Тун Хуайцин, разморённый жарой, с удовольствием звал зевоту в комнату. Поколебавшись, он решил остаться на месте:

— Я стесняюсь.

Он с абсолютным спокойствием вытер слёзу из уголка глаза:

— Правда-правда.

— А у брата скоро невеста будет!

— В самом деле?

Хуайцин подхватил со стола нетронутое блюдо с виноградом и поплыл к выходу.

— И ты туда же! — рыкнул на него Чи Е.

— Да ну что ты, — с олимпийским спокойствием ответил Тун Хуайцин. — Я просто несу угощение.

Да и кто бы отказался от сочных сплетен?

Когда они вышли, Чэнь Сяньян сидел с выпученными глазами и открытым ртом.

— Что-что?! — Ино с разбегу уселась рядом. — Дедушка, я тоже хочу слышать!

Дедушка Янь целыми днями слушал телевизор, а вечерами не расставался с приёмником, отчего в башке у него стоял сущий винегрет из басен и преданий. Не замечая стоящего рядом Чи Е, он решил прихвастнуть перед малышней и загадочно протянул:

— Суженая-то... Не из нашего уезда!

— Ва-а-а! — ахнула Ноно.

— О-о-о! — вторил ей Сяньян.

Старик вошёл во вкус:

— Звезда Алой Птицы — не кто иная, как звезда Любви, коли явится...

А что дальше? Забыл.

Впрочем, неважно. Старикам только дай волю посватать кого из молодых. Дед заговорщицки шепнул:

— Вы подумайте: встречал ли ваш брат за последнее время кого чужого?

Вообще-то дед нёс полную отсебятину. Логика была проста: раз Чи Е столько лет сидит в холостяках, значит, местным девкам с ним не судьба!

Городок маленький, все всё про всех знают — кабы суждено было сойтись с кем-то из своих, давно бы сошлись. К тому же пару лет назад в семье Чи случилась беда, парень разорвался между работой и младшими, да и рожей не вышел — не какой-нибудь слащавый мальчик, а здоровенный амбал, от одного вида которого пугливые девицы слёзы лили.

Старик сам поверил в свои слова. А что? Пора бы уже Сяо Чи бабой обзавестись, не юнец чай!

Когда родители Чи скончались, свахи проторили к нему дорогу: мол, мужику не под силу в одиночку тянуть двоих сирот, в доме нужна хозяйка. Чи Е тогда сидел мрачнее тучи, руки в масле, но сдержанно и вежливо всех выставил.

Позже, когда пошёл слух, будто он поднялся на Юге, свахи предприняли новую попытку. Девушку даже в ресторан привели, но не успели доестъ горячее, как Чи Е встал и ушёл. Если парень встаёт на дыбы — ничего тут не поделаешь.

Потом наметили ему красавицу. Чи Е отказался идти на свидание, так девица сама заявила к нему в автомастерскую. И — надо же! — влюбилась без памяти. Свахе призналась: согласна сыграть свадьбу хоть до Нового года, да вот только как быть с его братом и сестрой?

Чи Е тогда лишь ухмыльнулся. Сват решил, что дело выгорит, и прижал: дескать, холостяку с ребятами не дело возиться, девица-то не против, но, может, определишь детей куда? Молодёжи ведь своя жизнь нужна.

Сват исходил слюной, а когда решил, что сделку подмахнули, собрался было уходить. Чи Е, весь испачканный солидолом, взвесил в руке гаечный ключ и тихо спросил:

— А я разрешал уходить?

Сват обомлел и врос в землю.

— Она тебе велела со мной потолковать — ты и припёрся. А я тебя не отпускал. Куда нацелился?

— Сяо Чи... Да я же из лучших побуждений...

Сват проклинал всё на свете. Кабы не солидный куш от родителей девицы, он бы к этому волку на козе не подъехал! Чи Е ведь не был уродом — наоборот, высокий, крепкий, с хищным

раскосом глаз, с мужской харизмой. Но уж больно лют: в юности дымил как паровоз да махался финками, и хоть со временем остепенился, страх наводил знатный.

Тогда Чи Е неторопливо вытер руки ветошью и отпустил бедолагу. Больше он не вымолвил ни слова, но с тех пор желающих сосватать его не находилось.

Так и жил бобылём. Ино уже пошла в третий класс, Чэнь Сяньян перебрался в среднюю школу, а старший всё кобыл запрягал. Впрочем, хозяйство процветало: дом свой, мастерская своя, а пару лет назад они с приятелем открыли малый цех, и дело спорилось. Но вот отсутствие хозяйки не давало покоя младшим.

Чэнь Сяньян подпёр щёку, пытаясь вспомнить, не завёл ли брат кого на стороне, как вдруг Ино подпрыгнула на месте:

— Я знаю! Сяньян, ваша новая англичанка! Красивая такая, с кудряшками и покрашенными глазами!

Чэнь Сяньян хлопнул глазами:

— А-а...

— Она же как раз приезжая!

Тишина длилась секунду. А затем оба ребёнка одновременно повернулись к дверному проёму и во всю глотку гаркнули:

— Брат!

Дедушка Янь от неожиданности едва не свалился с табурета. Когда он успел подкрасться?! Старик протёр глаза и с трудом разглядел силуэт: рядом с Чи Е стояла тонкая, изящная фигура. Чьих же это будет?

Старик выудил из кармана монокль, прижал к глазу и стал пристально вглядываться. Тун Хуайцин хотел было поздороваться, но Чи Е приложил палец к губам и шепнул ему прямо в ухо:

— Гляди, сейчас этот старый хрыч начнёт заливать.

И с небрежным видом скрестил руки на груди, подперев косяк.

И впрямь! Полуслепой дед убрал линзу и смущённо улыбнулся:

— Ой, какая девица ладная...

Тун Хуайцин онемел.

— Молодёжь, эх... — пробормотал старик. — Милая, ты чьих будешь?

Дети зажали рты руками, давась от смеха. Хуайцин протянул тарелку:

— Здравствуйте, дедушка. Я приезжий.

Каким бы чистым и свежим ни был его голос, сомнений не оставалось — перед ним стоял парень.

Дед опешил, снова приставил линзу к глазу, снял её и рассмеялся:

— А-а, парень!..

Раз уж парень, дедушка потянулся погладить его по руке:

— Хорош, хорош! Статный какой!

Слабовидящие люди часто ощупывают всё вокруг — такова привычка. Дед ухватил сухой, мозолистой ладонью белую ручку Хуайцина. Чи Е слегка выпрямился: он знал, что этот неженка не выносит чужих прикосновений.

— Сколько тебе лет, сынок? Женат?

Тун Хуайцин помедлил, а затем крепко сжал прохладную ладонь старика:

— Мне двадцать пять, дедушка. Не женат.

— А наше аньчуаньское жёлтое вино пробовал?

— Нет ещё.

— Э-э, надо испить! Хоть и без этикетки, да сварено по старинному рецепту из своего зерна!

Старик радостно отпустил его руку, совершенно позабыв о женитьбе Чи Е, и увлечённо завёл разговор о тонкостях виноделия. Дети потеряли интерес и стали шептаться, а Тун Хуайцин

слушал внимательно, изредка подавая реплики.

В конце концов старик сладко зевнул. Чи Е взглянул на часы — второй час, ребятам пора умываться и бежать на уроки. На улице оживали велосипедные звонки, а у забора затянула песню бродячая кошка. «И чего орёт, осень на дворе», — подумал Чи Е.

Отведя старика домой и водрузив свисток обратно ему на запястье, Чи Е разжился у соседской тётушки пакетом боярышника для детворы. Вернувшись, он застал во дворе одного Тун Хуайцина. Тот сидел среди пышных роз и в одиночестве уминал виноград.

Чи Е почему-то вспомнил дедовские слова про «ладную девицу». Жара стояла сумасшедшая, или это от быстрой ходьбы лицо у него стало пунцовым?

Шум улёгся, во дворе воцарилась умиротворённая тишина.

Тун Хуайцин взглянул на него и прыснул.

— Чего скалишься? — Чи Е подёргал майку, обдувая бронзовый пресс.

— А ведь дедушка правду сказал: у тебя и впрямь кое-кто появился.

Лицо у Чи Е действительно залил румянец — точь-в-точь под цвет ягодам боярышника у него в руках.

— Ты сам сейчас как боярышник, — продолжал подшучивать Хуайцин.

Чи Е не выдержал и загнул:

— Бля, сам ты боярышник! А лучше — арбузище красное!

<http://bllate.org/book/19966/1985841>